

Источник: Знание - сила

Дата выпуска: 2010

Номер выпуска: 02

Заглавие: Цейлонский рай Антона Чехова

Автор: Дмитрий Капустин

Коломбо стал третьей остановкой на пути домой, на 23-й день морского перехода Корсаков-Одесса. Документы свидетельствуют, что «Петербург» находился на острове три дня и две ночи — с утра 10 до вечера 12 ноября (22 — 24 нового стиля).

А до этого было насыщенное событиями и впечатлениями плавание по дальневосточным морям, наблюдения за жизнью парохода и каторжных на нем, заходы в иностранные порты — «оазис» колониальной цивилизации Гонконг и «грустный» Сингапур (который Чехов даже «плохо помнил»), опаснейший тайфун в Южно-Китайском море, похороны покойников в морской пучине.

Последний эпизод отдельным абзацем попал в «кратчайший отчет» Суворину от 9 декабря: «По пути к Сингапуру бросили в море двух покойников. Когда глядишь, как мертвый человек, завороченный в парусину, летит, кувыркаясь, в воду, и когда вспоминаешь, что до дна несколько верст; то становится страшно и почему-то начинает казаться, что сам умрешь и будешь брошен в море». Как известно, этот эпизод вошел в рассказ «Гусев» — первый после поездки — и, как знать, не он ли стал главным импульсом к написанию рассказа.

Морская стихия во всех ее проявлениях тоже привлекла внимание Чехова — от бескрайних стальных валов океана, которые упорно режет маленькое судно, до роскошных тропических закатов Бенгальского залива.

Чехов активно общался с пассажирами и командой парохода, подружился с некоторыми из них и переписывался позднее, помогал судовому врачу (не отсюда ли «подслушанные» в лазарете диалоги в «Гусеве»?). Вот доказательство из письма патрону, А.С. Суворину: «Заболел у нас рогатый скот. По приговору доктора Щербака и Вашего покорнейшего слуги, скот убили и бросили в море».

Несомненно, что А.В. Щербак был главным гидом «симпатичного доктора А-П-Ч» (по его собственному отзыву) во время трехдневного пребывания на Цейлоне, поскольку бывал здесь ранее. Он сделал в путешествии несколько фотографий (часть которых мы воспроизводим), представляющих огромный интерес и хранящих некоторые загадки. Известно, что доктор Щербак фотографировал и писателя, а потом подарил Чехову не только ряд отпечатков, но и сами фотопластины (в том числе и отснятые в более ранних своих поездках). К сожалению, до сих пор не найдена фотография самого доктора Щербака.

Место, где был рай...

А вот главное впечатление самого Чехова об острове (в «кратчайшем отчете» Суворину от 9 декабря): «Затем следует Цейлон — место, где был рай. Здесь, в раю, я сделал больше 100 верст по железной дороге и по самое горло насытился пальмовыми лесами и бронзовыми женщинами. Когда у меня будут дети, то я не без гордости скажу им: «Сукины дети, я на своем веку имел сношение с черноглазой индусской (так в оригинале. — Д.К.)... И где же? В кокосовом лесу, в лунную ночь».

Конечно же, последнее предложение было опущено во всех советских переизданиях собрания сочинений и писем А.П. Чехова. Оно еще больше, чем впечатления о Гонконге, диссонировало с «иконой», то есть с навязанным обществу аскетичным образом классика (представителя «критического реализма» — по определению самого А.М. Горького). Однако умеющей читать публике эта сакраментальная фраза была известна как по отдельным работам чеховедов 20-х годов, так и по публикациям «расхристанных» 90-х. Любопытно, что эпизод с «индусской» не выбросила даже Мария Павловна, издатель и главный цензор самого первого сборника писем писателя.

Разыскания чеховедов последних лет позволяют довольно подробно проследить пре-

бывание писателя на Цейлоне. Считается, что вместе с другими «классными» пассажирами Чехов остановился в припортовой гостинице *Staps! Ogleplal Holel*, одной из лучших в городе, недалеко к тому же от базара и железнодорожного вокзала. В холле гостиницы сегодня висит мемориальная доска в честь пребывания здесь русского писателя, установленная не так давно Обществом ланкийско-российской дружбы. Однако бесспорных документальных доказательств этого факта нет. Вообще документов, относящихся к посещению острова, очень мало. Именно поэтому в литературе о Чехове (или, точнее, «около Чехова») «гуляют» живописные небылицы, например, что русский писатель лечился от туберкулеза у туземной знахарки и влюбился в нее. Другая, менее экстравагантная, но более стойкая, рассказывает о том, что писатель остановился сначала в шикарной прибрежной гостинице *Galle Face*, а потом после ночного шторма и потопа переселился в *Grand Oriental*.

Достоверно установлено, что Антон Павлович провел в Коломбо только одну ночь (а вторую в городе Канди). Но где именно? Во время пребывания в Шри Ланке весной 2008 года я пытался разрешить этот вопрос. Но в историческом музее Шри Ланки (в Коломбо) и в обеих гостиницах никаких подтверждающих документов не оказалось. Управляющий *Grand Oriental Holel* даже открыл для меня специальную «архивную комнату», где оказались подарки к различным юбилеям отеля и старые бухгалтерские книги. Кстати, и сама мемориальная комната № 304 продолжает оставаться обычным, но довольно дорогим гостиничным номером, где каждый может потешить свое самолюбие, ночуя в окружении портретов Чехова, рисунков князя *Alexis Solykoff* и предметов обстановки (гардероб, письменный столик, подставка для багажа), которые, как утверждал портье, сохранились со времен Чехова.

Однако одно ценное свидетельство в конце концов все же было получено. Директор Русского центра при российском посольстве Михаил Алексеевич Устинов рассказал, что «лет 5—6 назад» посольство России официально обратилось в МИД Шри Ланки с просьбой разыскать какие-либо документы, касающиеся пребывания А.П. Чехова на Цейлоне. Через какое-то время состоялась презентация, на которой ланкийцами была продемонстрирована регистрационная *Grand Oriental* за ноябрь 1890 года, где была запись: «доктор Чехов, Россия, номер 304».

Но вернемся к Чехову тех дней. Нетрудно предположить, что по приезде, несмотря на жару (судовой журнал в поддень зафиксировал 30 градусов), он вместе со спутниками осмотрел Коломбо и тогда же впервые у уличных продавцов увидел отважную битву мангустов со змеями, так поразившую его.

Посетил Чехов и ближний пригород, о чем свидетельствуют привезенные им фотографии. На одной видна железная дорога, подходящая вплотную к океанскому побережью, поросшему пальмами. Такое место и по сей день единственное близ Коломбо — в получасе езды на юг. Здесь много уютных, тихих бухточек с белыми песчаными пляжами и буйной тропической растительностью, сюда приезжали иностранцы и местная знать. По-видимому, здесь «в лунную ночь» и состоялось знаменитое рандеву с «черноглазой индусской».

На следующий день Чехов отправился по железной дороге в глубь острова, в прежнюю сингальскую столицу Канди в 120 километрах от Коломбо. В 1815 году во время колонизации острова англичанами она пала последней. И поныне главной достопримечательностью города является храм Шри Далада Малигава, где хранится священная реликвия буддизма — зуб Будды, найденный, по преданиям, в золе погребального огня.

Надо думать, что Чехов со спутниками осмотрели знаменитый буддийский храм. Но прямых воспоминаний об этом нет, скорее всего, потому, что экскурсанты были здесь в день, когда само хранилище и алтарь обычно закрыты. А грандиозные празднества с шествием слонов, выносом драгоценных реликвий и демонстрацией их публике («Эсала Перахера» — буквально: шествие месяца эсала) проводятся по буддийскому календарю только раз в году и приходится на август (иногда июль).

Еще одной достопримечательностью Канди является живописное полноводное озеро в центре города, на берегах которого храм и расположен. Здесь же в пределах прямой видимости от храма находилась (и существует поныне!) гостиница *Риееп'з Holel*, в которой ос-

танавливался Антон Павлович. Этот факт подтверждают найденные недавно в архивах писателя два счета отеля от 23 — 24 ноября (11—12-е по российскому календарю), выписанные на имя Чехова.

Впечатления тех дней еще дважды упоминаются в чеховской переписке (с Сувориным от 2 и 7 августа 1893 года из Мелихова) в неожиданной связи: «Армию спасения, ее процессии, храм и проч. я видел на Цейлоне в городе Кэнди. Впечатление оригинальное, но давящее на нервы. Не люблю». И в другом письме: «Еще об Армии спасения. Я видел процессию: девицы в индусском платье и в очках, барабан, гармоники, гитары, знамя, толпа черных голожопых мальчишек сзади, негр в красной куртке... Девственницы поют что-то дикое, а барабан — бу! Бу! И это в потемках на берегу озера».

Следует подчеркнуть, что виденное Чеховым никакого отношения к буддийским празднествам не имеет. В те годы такие зрелища устраивала Армия спасения — эта религиозно-филантропическая организация, созданная еще в 1865 году английским священником (и действующая поныне). Ее экстравагантные шествия, эмоциональные проповеди, но главное — реальная помощь на сделанные пожертвования привлекали внимание.

Антон Павлович заночевал в Канди. Днем он возвратился в Коломбо и, вероятно, тогда же приобрел трех мангустов. Имеются утверждения, что Чехов посетил зоосад в Дехивала, в 10 километрах на юг от Коломбо, чтобы проконсультироваться со специалистами по поводу зверьков. Но каких-либо подтверждений этому факту я пока не нашел, а сам зоосад образован в 30-х годах следующего века.

На закате в 8 вечера пароход «Петербург» отчалил от берегов Коломбо.

Но в этот день — 12 ноября 1890 года — случилось нечто очень важное.

Пребывание на тропическом острове вызвало у Чехова творческий всплеск. Именно здесь, по его собственному признанию, «зачат был» рассказ «Гусев», который писатель привез из путешествия, выполняя данное друзьям шутовское обещание. Более того, он проставил точную дату «зачатия» (в письме Суворину 23 декабря): «Буде пожелаете, можете для шика написать внизу: «Коломбо, 12 ноября»».

В ряде современных публикаций говорится, что писатель возвращался с Сахалина очень больным, его мучили приступы удушья и кашля. Однако сам он неоднократно подчеркивал в письмах, что «чувствовал себя здоровым вполне», «ни разу не был болен». Более того, буквально накануне путешествия, в декабре 1889 года, Чехов писал: «В январе мне стукнет 30. Подлость. А настроение у меня такое, будто мне 22 года».

В своих воспоминаниях И.А. Бунин писал, что в годы их тесного общения с Антоном Павловичем устные рассказы Чехова о его путешествии через «светоносные страны», разожгли любопытство и вызвали глубокий интерес у молодого писателя. Как-то вечером в Ялте, перечитывая автору его же рассказ «Гусев», он думал, а удастся ли ему увидеть когда-нибудь Индийский океан, который влек его с детства. И впоследствии, совершая свое путешествие по странам Востока, Бунин шел как бы по стопам Чехова, но в обратном порядке — посетил, в частности, Египет и Ближний Восток, проплыл Красным морем и Индийским океаном и завершил маршрут Цейлоном, оставив путевые впечатления в великолепных рассказах и стихах.

Вспоминая Цейлон

«От Цейлона безостановочно плыли 13 суток и обалдели от скуки», -вспоминал Чехов. Последний (краткий) заход был в Порт-Саид. А до этого Чехов «переплыл» Индийский океан и «унылое» Красное море, прошел недавно прорытым Суэцким каналом, а по пути «умилялся» Синайскими горами, святыней христианства. Писатель видел острова греческого архипелага, «обедал с Дарданеллами, любовался Константинополем». Но в вожделенный Константинополь так и не попал — проплыл мимо. 2 декабря пароход вернулся в уже заснеженную Одессу, а 5 декабря 1890 года, после трех суток карантина, Антон Чехов сошел с парохода и вечером сел на московский поезд.

В Москве путешественник окончательно «расклеился» от простуды на ветрах Среди-

земноморья. «Кашляю, лихоражу и изображаю собою сплошной насморк», — писал он Н.А. Лейкину 10 декабря. Особенно беспокоили писателя головные боли и перебои сердца. Но надо было обустроиваться на новом месте (на Малой Дмитровке), принимать бесконечных посетителей, «отчитываться» в письмах друзьям и родственникам о необычной поездке.

Старшему брату Александру Чехов сообщал, что «привез с собою миллион сто тысяч воспоминаний и трех замечательных зверей, именуемых мангусами (то есть мангустами. — Д.К.). Они мангусы бьют посуду, прыгают на столы и уж причинили нам убытку на сто тысяч, но тем не менее все-таки пользуются общею любовью».

Старому другу и коллеге шутливо отвечал: «Спешу извиниться. В одном из своих писем Вы выразили желание, чтобы который-либо из моих мангусов был назван Жаном Щегловым. Такое желание слишком лестно и для мангуса, и для Индии, но, к сожалению, оно запоздало: мангусы уже имеют имена. Один мангус зовется Сволочью — так любя прозвали его матросы; другой, имеющий очень хитрые, жульнические глаза, именуется Виктором Крыловым; третья, самочка, робкая, недовольная и вечно сидящая под рукомыльником, зовется Омуровой».

Правда, вскоре выяснилось, что продавец в Коломбо «надул» писателя и под видом самочки продал пальмовую кошку.

Зверьки с Цейлона (где они являются домашними животными) еще долго были предметом обожания, а потом и забот всего семейства Чеховых. Они даже стали темой столичных газет. «Мангусы, эти преуморительные зверьки, вывезенные А.П. Чеховым с острова Цейлон, сделались положительно злобой дня. <...> В обществе разговор о погоде вытеснен разговорами о "чеховских мангушках"», — писали «Новости дня».

Антон Павлович постоянно в письмах рассказывал о них своим друзьям и приглашал посмотреть сначала на трех, а потом на двух (один, по сведениям брата М.П. Чехова, принадлежал мичману Г. Глинке). «Из Цейлона я привез с собою в Москву зверей, самку и самца, перед которыми пасуют даже Ваши таксы <...>, — писал он Лейкину. — Имя сим зверям — мангус. Это помесь крысы с крокодилом, тигром и обезьяной. Сейчас они сидят в клетке, куда посажены за дурное поведение: они переворачивают чернильницы, стаканы, выгребают из цветочных горшков землю, тормозят дамские прически, вообще ведут себя, как два маленьких черта, очень любопытных, отважных и нежно любящих человека. Мангусов нет нигде в зоологических садах; они редкость. Брем никогда не видел их и описал со слов других под именем «мунго». Приезжайте посмотреть на них».

Летом 1891 года во время летнего отдыха семейства Чеховых в Богимове один из зверьков сбежал на волю, и через 18 дней его, растолстевшего, случайно поймал в каменоломне местный охотник. Зимой было решено передать животных в дар Московскому зоосаду. Как вспоминал Михаил Чехов, «с той поры мангус и его спутница — пальмовая кошка сделались украшением зоологического сада. Сестра Мария Павловна не раз там их навещала».

Но, разумеется, самая большая ценность, привезенная из путешествия, — рассказ «Гусев». Уже 17 декабря Чехов в ответ на телеграмму Суворина сообщил, что «есть подходящий рассказ, но он длинен и узок, как сколопендра, его нужно маленько почистить и переписать». 23 декабря «Гусев» был послан в редакцию «Нового времени» и уже в рождественском номере (25 декабря 1890 года) появился в журнале. Если учесть, что по приезде в Москву (7 декабря) Антон Павлович был болен и очень занят, то, значит, «зачатый» на Цейлоне рассказ был вчерне завершён в пути (от Коломбо до Одессы) и Чехов приехал в Москву с почти готовым текстом.

Рассказ вызвал восторженные отклики друзей и почитателей. Но, пожалуй, самым эмоциональным (даже излишне) был отзыв брата Александра, с которым Антон постоянно пикировался и поначалу соперничал. Он писал «кругосветному брату» 30-го декабря 1890 года: «От твоего «Гусева» весь Петербург в восторге. От такого рассказа я действительно готов, как ты пишешь, взять штаны в рот и подавиться, но только не от зависти, а от скорби, что у меня есть такой брат». И чуть ранее в том же письме: «Вообще твоя слава на меня так

угнетающе действует, что я готов подать на высочайшее имя прошение о переименовании меня в <...>, но только не Чехов».

С Цейлона Антон Павлович привез целый ряд сувениров, фотографий и открыток. Очень дорогими для писателя были фигурки слоников — два маленьких белых из кости и два черных побольше из дерева. Вместе с другими немногими, самыми памятными вещицами, привезенными из путешествия на Восток, и вместе с докторским молоточком они всегда сопровождали Чехова по жизни и стояли на письменном столе писателя, где бы он ни жил, — в Москве, Мелихове, Ялте.

А в письмах он еще долго вспоминал Цейлон (Индию) и сравнивал с увиденным в европейских путешествиях, даже мечтал вернуться туда еще раз. В письме Суворину 18 октября 1892 года писал: «Буду работать всю зиму, не вставая, чтобы весной уехать в Чикаго (на Всемирную выставку -ДК). Оттуда через Америку и В<еликий> океан в Японию и Индию. После того что я видел и чувствовал на востоке, меня не тянет в Европу..»

ЦГТБ имени А. П. Чехова

